

ВИКТОРИЯ

ДОЧЬ АДМИРАЛА

НЕБОЛЬШАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ СОБЫТИЙ:

23 февраля 1945 года на официальном приёме у наркома иностранных дел СССР Вячеслава Молотова в честь годовщины Красной Армии **32-х** - летняя советская актриса Зоя Фёдорова — лауреат двух Сталинских премий, исполнительница главных ролей в фильмах «Подруги», «Музыкальная история», «Свадьба» и других популярных картинах

— познакомилась с **46-летним** заместителем главы морской секции военной миссии США капитаном Джексоном Тейтом, прибывшим в Москву в январе того же года.

Случайное знакомство быстро переросло в серьёзные любовные отношения:

9 мая 1945 года, в день празднования победы над гитлеровской Германией в Великой Отечественной войне, Фёдорова зачала ребёнка, тогда же пообещав Тейту назвать его Виктором или Викторией (лат. **Victor** — Победитель, **Victoria** — Победа)

4 мая 1945 года Тейт, объявленный советскими властями персоной нон грата, получил предписание в ближайшие сорок восемь часов покинуть пределы страны.

В течение следующих восемнадцати лет он ничего не знал ни о рождении дочери Викторией, ни о том, как сложилась их с Зоей Фёдоровой дальнейшая судьба

18 ЯНВАРЯ 1946 ГОДА В 8.32 УТРА В МОСКВЕ ЗОЯ РОДИЛА ДОЧКУ.

— Девочка, — сухо сообщила сестра. Головку девочки покрывали прямые черные волосики, глазки смотрели из-под длинных-длинных ресничек.

— Виктория, — прошептала Зоя и тут же погрузилась в сон.

Когда ей позже принесли ребенка и она рассмотрела крошечное личико, по ее щекам потекли слезы. Темные волосы и что-то в разрезе глаз, даже закрытых, напомнило ей о Джексоне. Если бы только он мог оказаться здесь и увидеть то чудо, которое они сотворили вместе. Виктория!

Она склонилась головой к маленькому комочку, лежавшему у ее груди.

— О, Виктория, моя Вика, — прошептала она. — Прости меня за ту жизнь, которую я уготовила тебе. Тебя ждет трудная жизнь, но я буду любить тебя за обоих родителей. Обещаю тебе.

С грустью она признавалась себе, что Джексон уходит из ее памяти. Да, конечно, она никогда не забудет, что было время, когда они любили друг друга, что же касается чувств, которые она тогда испытывала, то воспоминания о них постепенно тускнели.

Она уже не помнила крепких объятий Джексона, не ощущала запаха одеколona, которым он пользовался после бритья, с трудом вспоминала его голос. Помнила лишь, что он был грубоватый и говорил Джексон с забавным американским акцентом — вот и все.

Наверно, и я уйду из его памяти, размышляла она. Интересно, пытался ли он писать ей? За все это время она не получила от него ни строчки. Ну что ж, у нее, по крайней мере, есть его ребенок, а это уже немало.

Она ни о чем не жалеет.

Джексон Роджерс Тэйт получил назначение на военно-морскую базу на Терминал-Айленде, неподалеку от Сан-Педро в Калифорнии. Ему было поручено расконсервировать базу.

Когда бы он ни возвращался мыслями к Зое, его всякий раз охватывало беспокойство: что же с ней все-таки произошло? Получила ли она хоть одно его

письмо? Пыталась ли ответить? Как же глупы мы были, размышлял он, поверив, что у нас есть будущее, что нам когда-нибудь позволят его иметь!

Он уже потерял счет письмам, которые написал ей, или тем, которые послал известным в России людям, на помощь которых рассчитывал. Ни на одно из них он не получил ответа. А в ответах на запросы, которые он направлял собственному правительству, не было ничего, кроме пустых фраз, смысл которых неизменно сводился к одному и тому же совету: «забыть».

27 ДЕКАБРЯ 1946 ГОДА.

В доме у английского журналиста Александра Верта и его жены Марии только что закончился удивительно славный рождественский вечер. Зое Федоровой было приятно провести время в обществе интересных людей, работавших во многих странах за пределами Советского Союза и так много знавших о них.

Вернувшись домой, Зоя прошла к дочке. Виктория тоже спала, лежа на животике. Зоя подоткнула вокруг нее одеяльце и, склонившись над малышкой, поцеловала ее в головку. Потом глубоко вздохнула. Запах детского талька и тельца ребенка — есть ли в мире аромат чудесней?

Зоя смотрела на спящую дочку. Подумать только, ей почти годик. Какой же замечательный день рождения ждет тебя, моя дорогая Вика. Я осыплю тебя подарками, сколько бы они ни стоили!

Нагнувшись над кроваткой, она снова поцеловала девочку и на цыпочках вышла из комнаты. Бедный Джексон — теперь она уже могла думать о нем без боли, — как многого ты лишился!

Она пошла на кухню выпить немного соку. Она протянула руку к дверце буфета, где стояли стаканы, и тут раздался резкий нетерпеливый стук в дверь квартиры.

Зоя оцепенела. Ужас был столь велик, что она не могла шелохнуться. Она знала, кто стучит. Вся Москва знала, что означает этот стук в ночи, когда все спят и никто ничего не видит.

Она не двинулась с места, пока стук не повторился, теперь уже более громкий и настойчивый. Надо ответить, иначе они выломают дверь.

Подойдя к двери, она открыла ее. В квартиру ввалились шесть мужчин и одна женщина. Зоя узнала только одного из них — их дворника.

Зое казалось, что все происходящее — сон, в котором участвуют две Зои: с одной Зоей все это происходит, а другая стоит в сторонке и внимательно за всем наблюдает, подмечая всякие мелочи: на женщине меховая шуба, у мужчин темно-зеленая форма. У одного на плечах красные погоны.

Все эти мелочи абсолютно несущественны, сказала одна Зоя другой. Прекрати. Соберись с мыслями. Решается твоя судьба.

Мужчина с красными погонами вытащил какую-то бумагу и сунул Зое в лицо. Она разобрала только два слова: «преступление» и «арест». Зоя затрясла головой.

— Это ошибка. Я ни в чем не виновата. Я не совершила никакого преступления. Лицо мужчины оставалось бесстрастным.

— Если вы невиновны, вам не о чем беспокоиться. Вы поедете с нами, и мы ознакомимся с вашим делом. Невиновны — все быстро выяснится и вас доставят обратно. Вам не следует ничего с собой брать.

С обеих сторон от Зои встали двое и взяли ее за руки. Зоя вырвалась.

— Мой ребенок! Ей только одиннадцать месяцев! Ее нельзя оставлять одну!

— У вас есть домработница. Она сообщит обо всем вашей сестре. Если ваша сестра захочет взять ребенка, ради Бога. Если же нет, он будет воспитываться в детском доме. Пошли!

— Я хочу последний раз взглянуть на ребенка!

— Нельзя! — Он отрицательно покачал головой.

— Я должна взглянуть на свою дочь, иначе я никуда не пойду.

— У вас нет никакого права говорить о том, чего вы хотите и чего не хотите, — раздраженно произнес он.

Откинув голову назад, Зоя пронзительно закричала. Один из держащих ее мужчин зажал ей рот рукой в перчатке. Человек с погонами был явно обескуражен.

— Хорошо, можете посмотреть на нее, но не дотрагивайтесь до ребенка.

Они провели ее в комнату, где спала Вика, а сами остановились в дверях, не сводя с нее глаз. Зоя кинулась к кровати и упала на колени. Слава Богу, девочка

лежала на спинке и Зоя видела ее личико. Одну ручонку малышка сжала в кулачок, подложив его под щечку.

Зое безумно хотелось потрогать этот сжатый кулачок, коснуться щечки, поцеловать девочку. Слезы застилали глаза, она вытерла их. Нужно как следует взглядеться в детское личико, запомнить каждую его черточку, чтобы оно навсегда сохранилось в памяти. Быть может, она видит свою дочку в последний раз.

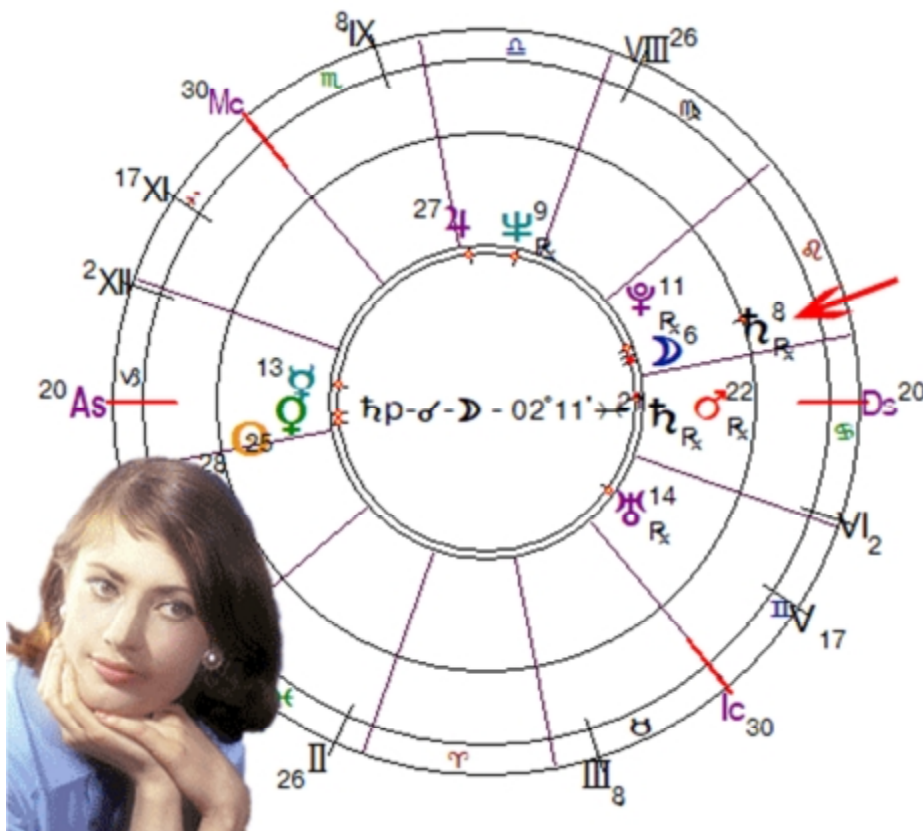
Она уже не просто плакала, а, зайдясь в рыданиях, захлебывалась слезами. Услышав непривычные звуки, девочка отвернула от Зои головку.

Не отворачивайся от меня, мысленно взмолилась Зоя.

— Пошли, пора! — приказал стоявший в дверях человек.

Зоя придвинулась к ребенку.

— Прощай, моя Вика. Мне уже никогда не увидать тебя вновь!

27 ДЕКАБРЯ 1946 ГОДА транзитный Сатурн находится в соединении с натальной Луной, сигнификатором 4 дома Виктории, дочери Зои Федоровой,

и она на долгие годы расстается с мамой.

Машина с включенным мотором ждала на улице. Зою вели трое; еще трое и женщина остались в квартире. Ее втолкнули на заднее сиденье, двое уселись по

бокам, третий сидел на откидном сиденье, лицом к ней. Он постучал в стеклянную перегородку, и машина тронулась.

— Куда вы меня везете? — спросила Зоя.

— На Лубянку, — ответил главный.

— Но почему? В чем моя вина? Почему вы меня туда везете?

— Лубянка — это не обязательно тюрьма. Если вы ни в чем не виновны, ответите на некоторые вопросы и вернетесь домой. Вот все, что я вправе сказать.

Не обязательно тюрьма... Может, и так, подумала Зоя. Но она никогда не слышала, чтобы людей, попавших на Лубянку, отпускали домой.

Машина бесшумно, словно черная тень, неслась по пустынным улицам Москвы. «Какое-то безумие, — думала Зоя. — На мне вечернее платье, нарядные туфли, а я еду в тюрьму».

Тюремный надзиратель привел ее к лифту, они поднялись на третий этаж и там снова пошли по коридору. В конце коридора надзиратель постучал в какую-то дверь и открыл ее. Дверь за ней закрылась.

Кабинет был большой, с огромным, заваленным бумагами письменным столом. Позади стола на стене висел портрет Сталина. За столом сидел человек в штатском. Его фамилия, как она потом узнает, была Абакумов.

Голос у него оказался грубым и резким. Голос крестьянина, подумала Зоя, голос страшного человека.

— Ну что ж, мне кажется, пришел ваш черед поговорить с нами. Если вы будете совершенно искренни и расскажете нам всю правду, раскроете все свои преступления, тогда, может быть, у вас останется надежда.

Зоя переводила взгляд с одного на другого.

— Я не понимаю, о чем вы говорите. Произошла какая-то чудовищная ошибка. Какие преступления? Я не знаю за собой никакой вины.

Абакумов сокрушенно покачал головой.

— Я стараюсь помочь вам. Скажите правду. Признайтесь. Могу вас заверить, если вы попытаетесь скрыть что-то от нас, вам же будет хуже.

Зоя с мольбой протянула к нему руки.

— Клянусь, я ни в чем не виновата. Как могу я признаться в том, чего даже не знаю?

Абакумов кивнул.

— Ну что ж, если вы этого хотите, то, могу вас уверить, мы можем и подождать. Если понадобится, мы будем ждать всю вашу жизнь. Но вам все равно придется сознаться в своих преступлениях следователю. Это вам не кинофильм с обязательным счастливым концом. Если вы хотите, чтобы конец был счастливым, вам лучше сознаться в своих преступлениях.

ЭТО КАКОЕ-ТО БЕЗУМИЕ, МЕЛКНУЛО У НЕЕ В ГОЛОВЕ, СОВЕРШЕННЕЙШЕЕ БЕЗУМИЕ, ЧУДОВИЩНАЯ ИГРА, СТАВКА В КОТОРОЙ — ЕЕ ЖИЗНЬ.

— Если вы хотите, чтобы я призналась, скажите, в чем меня обвиняют. Если то, что вы скажете, окажется правдой, я признаю ее. Но сначала вы должны объяснить мне, в чем заключается моя вина.

Абакумов встал из-за стола, собираясь уйти.

— Ваш визит подошел к концу. До свидания. Советую вам более основательно обдумать свою жизнь. Надеюсь, вы припомните все свои преступления. Он позвонил в колокольчик, и на пороге появилась надзирательница.

— Уведите заключенную в камеру.

Зоя развернула матрас и легла. Верхний свет бил прямо в глаза. Она натянула на лицо тонкое вонючее одеяло. Как ни была она измучена, сон не шел. Надо заснуть, уговаривала она себя. Скоро опять начнется допрос, они сведут тебя с ума, если ты не используешь каждое мгновение для сна.

Она бы не поняла, что заснула, если б не услышала, как у нее под ухом кто-то рывкнул: «Встать!» — и тут же почувствовала острый толчок в бок.

Это надзирательница ткнула ее ключом. Зоя в ужасе вскочила, незнакомый голос до смерти перепугал ее. И моментально поняла, где находится.

Положив на стол маленький ломтик черного хлеба, ложку, в которой лежал кусочек сахара, и поставив кружку водянистого чая, надзирательница вышла из камеры.

Зоя через силу дотащилась до столика. Все тело болело, воспаленные глаза слезились. Если бы только поспать... Она поглядела на дверь и снова увидела глаза, неотрывно следившие за ней через то же оконце. Нет, поспать ей не дадут.

Сколько прошло времени? — пыталась она понять. Дни, месяцы, сколько? Воспоминания о себе как о кинозвезде становились все более нереальными. Наверное, вся та жизнь ей только пригрезилась.

Чем дальше, тем становилось яснее: ее настоящей жизнью становилась Лубянка, а воспоминания о солнечном свете, о смехе казались лишь плодом фантазии.

Зоя понимала, что именно этого они и хотят добиться: помрачения ее сознания. Именно эту цель они поставили перед собой, а она слишком устала, чтобы сопротивляться. Единственно, на что у нее хватало сил, это упорство, с каким она отказывалась признать свою вину. Как можно признаться в том, чего не знаешь?

ЧЕРЕЗ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ ДОПРОС ВЕЛ ПОЛКОВНИК ЛИХАЧЕВ.

— Вы же не дура. Вы знаете, в чем ваше преступление. Не понимаю, чего вы пытаетесь добиться своей ложью. Все ведь происходило на глазах всей Москвы. Ну наконец-то! Вот она и разгадка.

— Вы называете преступлением любовь? Если так, то я действительно совершила преступление. Я встретила американца и полюбила его. Я была с ним близка и не раскаиваюсь в этом. Если вы знаете еще о каких-то других преступлениях, вам следует сказать мне об этом.

Полковник горестно покачал головой:

— Ну уж нет, это вы сами расскажете нам о них. Что же касается любви, вы вправе заниматься ею когда вам только заблагорассудится. Это не преступление. Но влюбиться по-дурачки — это уже преступление.

И родить потенциального врага нашей страны, вместо того чтобы сделать аборт, — тоже преступление. И не притворяйтесь, будто не знали, что ваш прекрасный американец шпион. Да, да. Нам это точно известно.

Какая нелепица, подумала Зоя, но вслух ничего не сказала.

ОНА ДУМАЛА О ТОМ, СКОЛЬ ЧУДОВИЩНО ПРЕДЪЯВЛЕННОЕ ЕЙ ОБВИНЕНИЕ. ЕЕ ОБВИНЯЮТ В ТОМ, ЧТО ОНА ШПИОНКА, ВРАГ СВОЕГО ГОСУДАРСТВА. ЭТО НАМНОГО СТРАШНЕЕ, ЧЕМ ОНА ПРЕДПОЛАГАЛА.

— Уведите, — приказал он надзирателю — Пусть еще немного подумает.

Дни шли по раз и навсегда заведенному распорядку, неотличимые один от другого. Допросы, как правило, начинались около восьми, и каждое утро ее будили в **5.30**.

Он длился по меньшей мере шесть часов, только после этого ее отводили обратно в камеру. Это было время отдыха, но ложиться в постель было строго-настрого запрещено. Она засыпала сидя, выпрямившись на табуретке.

Второй раунд начинался где-то около девяти вечера и продолжался до четырех-пяти утра. На сон до пробудки в **5.30** оставалось всего ничего.

Ей необходим был сон — резь в глазах не проходила, постоянно болело все тело, не отпускали головные боли. Но она очень хотела выжить.

Да, ей необходимо выжить во имя ее ребенка. Это единственная причина. Зоя помнила дочь такой, какой видела в тот последний раз. У Вики уже был первый день рождения, а ее не было рядом. А больше уже никогда в жизни не повторится тот первый день рождения.

Проходили дни, потом недели. Зоя не видела ни одной живой души, кроме надзирательницы, которая приносила еду и водила ее в умывальную.

Столь длительное, день за днем, молчание было чревато не меньшей опасностью, чем бесконечные допросы.

Однажды из душа в умывальной полился крутой кипяток. Зоя кричала, не умолкая, пока воду не выключили. Когда открыли дверь, она билась в истерике.

К вечеру все ее тело покрылось огромными волдырями. Врач не пришел. О сне не могло быть и речи.

Наутро за ней явилась надзирательница. Зоя шла по коридорам, испытывая невыносимую боль от прикосновения к ожогам грубой тюремной одежды.

Через какое-то время ее вновь привели к Абакумову. Он, как обычно, сидел за столом. На углу стола Зоя увидела свое досье, поверх по-прежнему лежал американский флажок. Коротко кивнув ей, Абакумов взял со стола листок бумаги.

— Вы, конечно, понимаете, что у нас достаточно улик, чтобы расстрелять вас? Но наше правительство — гуманное правительство. А потому вам оставили жизнь, чтобы вы могли на досуге подумать о своих преступлениях.

ВЫ ПРИГОВАРИВАЕТЕСЬ К ДВАДЦАТИ ПЯТИ ГОДАМ ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.

P.S.

15 августа 1947 года Зоя Федорова была приговорена к **25** годам лагерей усиленного режима (с заменой на заключение во Владимирской тюрьме), конфискации имущества и ссылке для всей семьи «за шпионаж в пользу иностранных государств».

Сестра Зои Фёдоровой Александра была приговорена к пожизненной ссылке с детьми. С **1947** года Виктория Фёдорова жила в ссылке в селе Полудино на севере Казахстана вместе с тётёй Александрой (которую до девяти лет считала родной матерью) и её детьми Ниной и Юрой.

23 февраля 1955 года — после пересмотра дела, полной реабилитации и освобождения Зои Фёдоровой — Виктория воссоединилась с матерью в Москве.

В **1960-е** и **1970-е** годы она продолжала много сниматься, преимущественно в небольших характерных ролях, среди которых были: «Свадьба в Малиновке», «Стряпуха», «Русское поле», «Кортик», «Автомобиль, скрипка и собака Клякса», «Москва слезам не верит» и др.

Дочь Зои, Виктория Федорова **27 марта 1975** года приехала в Америку, где впервые встретила с отцом — к тому времени контр-адмиралом ВМС США в отставке.

В **1978** году Виктория Фёдорова получила американское гражданство.

В 1970—1980-х годах снималась в эпизодических ролях в кино и на телевидении, пробовала себя в модельном бизнесе; на протяжении почти десяти лет была лицом косметической компании **Beauty Image**.

**МНОЖЕСТВО ДРУГИХ РЕАЛЬНЫХ ПРИМЕРОВ О
ТРАНЗИТАХ МЕДЛЕННЫХ ПЛАНЕТ К НАТАЛЬНОЙ ЛУНЕ
– В НОВОМ КУРСЕ:**

<http://www.astrologysolaris.com/mk22.html>

ТРАНЗИТЫ ПЛАНЕТ

К НАТАЛЬНОЙ ЛУНЕ